

В книге, состоящей из предисловия, введения, 12 глав и заключения, рассмотрены ряд актуальных вопросов культуры абхазов: ее исторические корни, традиционное и современное состояние, перспективы развития и др.

Традиционный этикет абхазов складывался в течение многих веков. Его генетические корни Ш. Д. Инал-ипа справедливо возводит к общинно-родовому, военно-демократическому и патриархально-феодальному укладам. Однако все же наиболее важную роль в формировании этикета автор отводит эпохе военной демократии. Влияние этого уклада усматривается в особом почитании воинских доблестей, культе героя, в специальной терминологии абхазской бытовой лексики, устойчивых фразеологизмах, многие из которых приведены в книге. Конечно же, немалое влияние на народный этикет оказали и последующие ступени социально-экономического развития абхазского этноса (глава первая). При объяснении того или иного элемента традиционного этикета автор всегда держит в поле зрения и социальный аспект проблемы (глава вторая).

На наш взгляд, Ш. Д. Инал-ипа совершенно прав, утверждая, что «в основе абхазской традиционно-бытовой культуры лежит несколько важнейших принципов — принцип сословности, кровного (в прошлом и молочного, или аталычного) родства и свойства..., возрастной принцип с вытекающим отсюда „культ“ старших (особенно старшего мужчины) и соответствующей системой сложного соподчинения..., принцип гостеприимства..., принцип воинской отваги... и др. Все они объединяются одним необычайно широким и объемным понятием „абхазства“ — апсуара» (с. 43).

Апсуара рассматривается в книге с классово-исторической точки зрения, причем автор подчеркивает, что наиболее строго придерживались ее принципов представители демократических слоев общества, прежде всего крестьянства, и что нередко эти принципы нарушались или же неточно соблюдались представителями социальной верхушки общества.

Интересна третья глава, в которой рассматриваются представления абхазов о внешнем облике человека, об идеале мужской и женской красоты, воплотившиеся в устной народной поэзии, а впоследствии и в произведениях художественной литературы.

И все-таки первые три главы монографии — это скорее всего подступы к главной теме — исследованию разных аспектов абхазского этикета. Автор рассматривает всаднический этикет (глава 4), роль старших возрастных групп в традиционном поведении (глава 5), этикетные нормы в абхазской семье (глава 6), обычай гостеприимства в традиционном этикете (глава 7), культуру застолья (глава 8), разнообразные формы приветствий и благопожеланий (глава 9), этикет в похоронно-поминальном ритуале (глава 10), некоторые особенности речевого поведения абхазов (глава 11). На протяжении всей монографии автор последовательно показывает, что знание и соблюдение традиционного этикета было обязательной жизненной нормой абхазов. Незнание или несоблюдение ими этикета осуждалось (хотя могло прощаться представителю другого этноса). Поэтому с раннего детства абхаз присматривался прежде всего к поведению старших сородичей в различных жизненных ситуациях. Фактически единственной его школой была повседневная жизнь, пример его родителей, старших уважаемых соплеменников. Человек, хорошо знающий и строго соблюдающий традиционный этикет, всегда пользовался (да и теперь пользуется) среди абхазов, особенно старших возрастов, всеобщим уважением.

Исследуя ту или иную особенность абхазского этикета, а также связанные с ним обычаи и обряды, автор в большинстве случаев дает им реальную оценку, поддерживая и поощряя их, но нередко и выступая против, отживших свой век вредных норм, мешающих развитию нашего общества.

Заключительная глава «Абхазо-адыгские этикетные параллели» еще раз убедительно свидетельствует прежде всего об этногенетических и тесных культурно-исторических связях абхазов и адыгов. Кроме того, сравнительный анализ, проводимый автором в этой главе, дает ему право говорить о большой общности абхазского этикета с аналогичными системами, известными у других народов Кавказа.

Рецензируемая монография — одна из немногих работ по культуре общения народов этого историко-культурного региона. И уже в этом ее большая научная ценность. Между тем традиционный этикет, составляющий одну из важных сфер бытовой культуры каждого этноса и во многом помогающий понять его самобытность и своеобразие, заслуживает дальнейшего углубленного изучения.

Г. А. Амичба, Ш. Х. Салакая

НАРОДЫ АФРИКИ

Peuples du Golfe du Bénin. Aja-Ewé. Etudes réunies et présentées par François de Medeiros. Paris: Karthala, 1984. 328 p.

Можно с полным основанием утверждать, что ни одной стране Тропической Африки так не «повезло» в историко-этнографической литературе, как Дагомее (ныне Народная Республика Бенин). Из написанных об этой стране книг можно составить солидную научную библиотеку. В нее прежде всего вошли бы многочисленные записки европейских путешественников, работорговцев и колониальных чиновников, затем труды по истории, этнографии, социологии, языкознанию, написанные как учеными За-

падной Европы и США, так и местными исследователями. Некоторые из этих книг в западной этнографии по праву считаются классическими, поскольку на дагомейском материале можно решать принципиально важные теоретические вопросы африканского прошлого. Таковы, например, хорошо известные работы М. Херсковица и К. Поланьи¹. В последние годы в связи с развернувшейся острой дискуссией о размерах и последствиях работорговли среди африканских ученых усилился интерес к социально-экономической истории Дагомеи. Африканистическая литература обогатилась многочисленными статьями, а также основательными книгами В. Пекерта и П. Маннинга². Наконец, нельзя не упомянуть имена африканских ученых, ведущих плодотворное изучение прошлого Бенина: Ж. Л. Хазуме, М. Глеле, Ж. Плийя, О. Агесси, А. Дживо, П. Хунтонджи, И. Акинджогбин, Э. Асиваджу.

Казалось бы, при обилии научной литературы история и этнография Бенина, равно как и населенных близкородственными народами соседних Того и Ганы, должны быть хорошо изучены. Однако это далеко не так. Среди слабоизученных проблем выделяется своей научной и общественной важностью национально-этническая. Происхождение народов, населяющих побережье Бенинского залива, их состав и численность, протекающие в их среде этнолингвистические процессы, представляющие интерес для научного познания, а также вызывающие беспокойство государственных деятелей, — все эти вопросы требуют дальнейшего исследования. Ведь еще совсем недавно именно острые этнические конфликты, разжигаемые буржуазно-националистическими партиями, приводили к хронической, политической нестабильности в Дагомее и способствовали удержанию страны в орбите неокolonизма³. Нынешнее руководство Народной Республики Бенин, провозгласившее социалистическую ориентацию страны, считает одним из главных направлений строительства нового общества преодоление трибализма, сепаратизма, национальной розни. Это в свою очередь со всей остротой ставит задачу ясного понимания этнических и лингвистических процессов в многонациональной стране.

По инициативе ученых Национального университета Бенина⁴ в декабре 1977 г. в Котону прошла конференция по этнографии народов эве — аджа с участием видных специалистов — этнографов, историков, лингвистов. Среди них были О. Агесси, Э. Карл, Т. Чичи, М. Видегла (Бенин), И. Акинджогбин и Э. Асиваджу (Нигерия), А. Боахен, А. Ван Данциг и Ф. Агбодека (Гана), Н. Гайбор (Того). Был также приглашен известный своими познаниями миссионер из Того Роберто Пацци. Прошло довольно много времени, прежде чем материалы конференции были опубликованы при финансовой помощи ЮНЕСКО. Сборник вышел под редакцией руководителя отделения истории и археологии Национального университета Бенина Франсуа де Медейроса.

Рецензируемая книга является, по сути, своеобразным отчетом о работе большого отряда ученых за два десятилетия независимости Бенина. Она содержит богатый и разнообразный фактический материал, собранный во время полевых исследований. Это прежде всего многочисленные записи устных этногенетических традиций; публикации архивных материалов, в частности, недавно обнаруженных в Бодлеянской библиотеке Оксфордского университета 4 тыс. документов (в том числе писем английских купцов из Западной Африки) конца XVII в., а также хорошо известных записок европейских путешественников и работорговцев.

Итак, народы побережья Бенинского залива. Имеются в виду близкородственные этнические группы, проживающие между нижними течениями рек Вольта (на территории Ганы) и Веме (в Бенине). В советской этнографической литературе они объединяются в два народа — эве и фон (восточные эве или дагомейцы). Эве расселены в южной, приморской части Того и в юго-восточной области Ганы; фон же проживают в южной части Бенина, занимая компактную территорию между реками Моно и Веме; к востоку от Веме и вплоть до р. Ева (в Нигерии) они живут смешанно с йоруба. Каждый из названных народов делится в свою очередь на ряд более мелких этнических групп со свойственными им говорами и диалектами, хотя эве и фон говорят, по существу, на одном языке⁵.

¹ *Herskovits M. Dahomey: an Ancient West African Kingdom. V. 1—2. N. Y., 1938; Polanyi K. Dahomey and the Slave Trade: an Analysis of an Archaic Economy. Seattle, 1966.*

² *Peukert W. Der Atlantische Sklavenhandel von Dahomey, 1770—1779. Wiesbaden, 1978; Manning P. Slavery, Colonialism and Economic Growth in Dahomey, 1640—1960. Cambridge, 1982.*

³ См. подробнее: *Hazoumé G. L. Idéologies tribalistes et nation en Afrique. Le cas dahoméen. P., 1972; Glélé M. Le Danxomé. Du pouvoir aja à la nation fon. P., 1974; idem. Religion, culture et politique en Afrique Noire. P., 1981.*

⁴ Следует различать Национальный университет Бенина (г. Котону, Народная Республика Бенин) и Бенинский университет в столице Того г. Ломе. Третий университет под тем же названием — Бенинский открыт недавно в нигерийском городе Бенин-Сити.

⁵ В этнографических трудах об Африке народы побережья Бенинского залива освещаются очень скупо (см.: *Курей Н. И. Этнография народов Африки. Краснодар, 1983, с. 67; Львова Э. С. Этнография Африки. М., 1984, с. 12*). Единственная специальная работа об эве увидела свет более 30 лет назад (*Володина В. Н. Народ эве. Историко-этнографический очерк: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л.: Ин-т этнографии АН СССР, 1953*). Нельзя не сказать и о том, что в новейшей литературе

Стержнем развернувшейся на страницах рецензируемого сборника дискуссии стал вопрос об этнолингвистической классификации проживающих на берегах Бенинского залива народов. В подзаголовке книги названы лишь два этноса — аджа и эве, и это может вызвать у читателя недоуменный вопрос: кто такие аджа и почему не упомянуты фоны? Напомним, что в этнографической литературе аджа упоминаются то как предки современных фонов, то как составная часть эве. Терминологическая путаница царит не только среди исследователей; нет ясности и среди представителей этих народов. На конференции приводился любопытный пример: когда задают вопрос, кто такие аджа, то эве в Гане и Того, фоны в Бенине указывают друг на друга (с. 88). Вместе с тем и эве, и фоны, и различные их этнические компоненты (аизо, махи, ге, ула, вему, гун) считают себя происходящими от общего корня аджа (с. 266). Было бы, однако, ошибочным делать вывод, что термин «аджа» относится лишь к далекому прошлому. И сегодня эвезыязычное население района Тадо на бенино-тоголезской границе называет себя аджа.

В результате плодотворного обсуждения участники конференции пришли к выводу, что народы побережья Бенинского залива следует разделить на три большие этнические группы: аджа, эве и фонов. Их общим предком являются протоаджа, в XV—XVI вв. жившие в районе Тадо (с. 310, 321). Действительно, ярко выраженный «тадоцентризм» характерен для всех эвезыязычных народов. Вместе с тем, как нам кажется, участники дискуссии недостаточно полно учитывали исторические и социально-политические факторы этнического развития, ибо многочисленные данные свидетельствуют о том, что аджа, проживающие на территории Того, ныне мало чем отличаются от окружающих их эве, а те аджа, которые оказались гражданами Народной Республики Бенин, постепенно сливаются с фонами. И в Того, и в Бенине процесс этнической и языковой консолидации зашел довольно далеко. Материалы сборника подтверждают формирование в приморских районах этих государств двух самостоятельных народов: все мелкие этнические группы, в том числе аджа, поглощаются ведущим этносом.

Процесс консолидации, однако, идет не так быстро, как это предполагали ранее. Главным препятствием является территориально-политическая раздробленность народа эве, поделенного в 1915 г. между колониальными владениями Англии и Франции. В настоящее время эве проживают в Гане (1,3 млн. чел.) и Того (1,2 млн. чел.). Стремление к воссоединению этого народа, вне всякого сомнения, будет и впредь осложнять межгосударственные отношения двух соседних стран. Тем не менее ясно, что попытки национально-объединительного движения эве в современных политических условиях Африки вряд ли могут рассчитывать на скорый успех⁶.

Много внимания участники конференции уделили вопросам этногенеза народов Бенинского побережья. В схематическом виде выводы ученых можно свести к тому, что протоаджа в незапамятные времена переселились в Тадо из окрестностей нигерийского города Ойо или из еще более удаленных мест где-то на берегу р. Квары (Нигера). В XV в. выходцы из Тадо основали города Аллада и Ноце. Эти города стали в начале XVII в. (около 1610 г.) центрами расселения двух этнических ветвей аджа — фонов, позже создавших на Абомейском нагорье мощную раннеклассовую державу Дагомею, и эве, распространившихся из Ноце в западном и южном направлении (с. 17—18, 310). Устная историческая традиция объясняет исход эве недовольством народа тираническим правлением короля (вождя) Агоколи. Современные ученые считают главным фактором рост населения, земельный голод, истощение почвы и, наконец, отсутствие достаточного количества питьевой воды (с. 33—34).

Исследователи подвергли критике точку зрения, согласно которой эве являются автохтонами и проживают на нынешней территории примерно с 3700 г. до н. э. (с. 163). Вместе с тем было высказано пожелание для уточнения датировки переселений продолжить археологические раскопки в узловых пунктах миграционного пути. Такие изыскания были начаты в Тадо и Ноце при участии ученых Национального университета Бенина⁷. К сожалению, результаты раскопок не нашли отражения в материалах конференции.

Проблема между тем состоит не только в определении хронологии тех или иных миграций, но и в уточнении сущности этого явления. «Что представляют собой эти миграции? — спрашивает Ф. де Медейрос. — Было ли это просто коллективное перемещение из какого-то начального пункта к другому в определенный промежуток времени или же речь идет о характерной черте африканских народов, находящихся в постоянном движении?» (с. 35). Во втором случае — и это нередко выпячивают западные этнографы — можно прийти к выводу о «структурной нестабильности» африканских обществ. Принципиальное значение этих вопросов для понимания африканского прошлого показал Международный конгресс по проблеме миграции народов банту, проведенный весной 1985 г. в Либревиле⁸.

нередко встречаются малодостоверные, а иногда прямо фантастические сведения об эвезыязычных народах (Киндрова Л. В ритмах Черной Африки. М., 1985, с. 115). Пестрит ошибками заметка о йоруба, проживающих на территории Бенина (Известия, 13 июня 1985 г.). Как авторам, так и редакторам было бы легко избежать таких промахов, обратившись к авторитетному справочнику С. И. Брука (Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981).

⁶ См. подробнее: Исмагилова Р. Н. Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., 1973.

⁷ Université Nationale du Bénin. Guide des études historiques. Cotonou, 1981, p. 27.

⁸ Ehuzu, 4.04.1985.

В заключение коротко остановимся на других сюжетах. Значительная часть материалов рецензируемого сборника посвящена языкам и литературе народов Бенинского побережья. Общее мнение ученых-лингвистов состоит в том, что эве Ганы и Того, фоны Бенина говорят на одном языке, несмотря на наличие множества диалектов и говоров. Но этому общему языку трудно найти адекватное название. Были предложены следующие термины: эве-аджа, ЭГАФ (эве-ген-аджа-фон) или фоджа (фон-аджа) (с. 177). Конференция, однако, рекомендовала применять слово аджагбе (с. 315).

Язык эве, как известно, получил письменность на основе латинского алфавита еще в конце XIX в. С тех пор на нем возникла довольно обширная и интересная литература. В материалах конференции привлекает внимание статья С. Амеглеама о драматургии и театре эве, в которой анализируются не только оригинальные пьесы местных авторов, но и переводы классических произведений Шекспира и Мольера (с. 191—199). Несмотря на распространение среди эве письменной культуры, традиционные устные жанры (в частности, погребальные плачи) по-прежнему широко популярны в народных массах. В рецензируемом сборнике помещено исследование ученого из Ганы К. Аньидохо о наиболее известном народном сказителе Винокло Акпалу (род. 1885 г.), приводятся образцы его творчества на эве и в переводе на английский язык.

Последний раздел книги содержит статьи по более узким вопросам: социальная организация ганских эве, религиозная общность аджа, эве и йоруба; описание аграрного праздника в г. Вида, публикация рукописи из библиотеки Музея Человека в Париже с записью этногенетической традиции племени уэда.

На конференции громко звучали голоса в защиту единства и сплоченности близкородственных народов Бенинского побережья. Именно таким благородным целям служит проведенная в Котону научная конференция о народах побережья Бенинского залива.

Д. П. Урсу